

Знай Цзянь Сунъи, какие мысли роятся в голове Бо Хуая, он бы, пожалуй, в тот же миг передумал с ним водиться. Но, увы, чужая душа — потемки, а потому парень искренне желал сделать для друга что-нибудь приятное.

На следующее утро Цзянь Сунъи поднялся ровно в пять — без малейшего промедления. Тщательно умывшись, он усмирил вечно растрепанную вихрястую макушку, сменил привычные кеды на строгие черные туфли и облачился в темную рубашку с серебряными пуговицами и приталенные брюки.

В зеркале отразился взрослый, солидный молодой человек.

В половине шестого он уже стоял на улице у черного седана. В руках Цзянь Сунъи сжимал свежий, только-только распустившийся букет белых лизиантусов.

Ранний осенний туман дремотно клубился вокруг него, оседая крошечными каплями росы на нежных лепестках и длинных угольно-черных ресницах.

Стоило Бо Хуаю приоткрыть дверь подъезда, как перед ним предстала эта картина. Небо над головой еще хранило густой, чернильно-синий оттенок уходящей ночи.

Бо Хуай оделся точно так же — в темную рубашку и строгие брюки. Вот только в руках у него белел скромный букет маргариток.

— Если спать хочешь, шел бы еще подремал, — негромко и мягко произнес он, приближаясь к другу. — А то начнешь сейчас ворчать со сна, а мне потом тебя задабривать.

Цзянь Сунъи промолчал. Смерив Бо Хуая оценивающим взглядом, он шагнул ближе и поправил ему воротничок.

— Ладно, признаю: черный тебе идет. Почти такой же красавчик, как я.

Кожа у Бо Хуая была бледной, с благородным холодным отливом, а тонкие, безупречно очерченные черты лица казались почти скульптурными. На фоне глубокого черного цвета эта природная холодность лишь обострилась, создавая разительный контраст.

Стоило ему чуть склонить голову и заговорить своим вкрадчивым, низким голосом, как привычная отстраненность уступала место какому-то завораживающему, мрачному очарованию.

Он походил на истинного аристократа, сошедшего со старинных полотен о ночной жизни.

В голову Цзянь Сунъи закралась совсем некстати мысль: с такой-то внешностью, манерами и этой вкрадчивой, обезоруживающей нежностью Бо Хуай мог бы влюбить в себя кого угодно. Захоти он всерьез кого-то соблазнить — пиши пропало, никто не устоит.

Понимая, что его унесло куда-то не туда, Цзянь Сунъи поспешно отогнал глупые фантазии и распахнул дверцу машины.

— Едем. Нехорошо заставлять дядю Вэня ждать.

Темный автомобиль неторопливо выкатился из жилых кварталов и взял курс на загородное кладбище. Туман упрямо цеплялся за придорожные деревья. Влажная прохлада оседала на окнах тончайшим матовым узором, словно пытаясь отгородить тесный салон от тоскливой осенней сырости снаружи.

Но вот колеса шуршнули по гравию, и парням все же пришлось шагнуть в этот неуютный, безмолвный рассвет.

Два букета белых цветов и две темные фигуры — вот и все, что осталось от памяти о некогда нежном и мужественном Омеге спустя двенадцать лет после его ухода.

А ведь человек, которого он так преданно любил при жизни, даже теперь не удосужился выкроить хотя бы день, чтобы навестить его могилу.

Скромные маргаритки несли в себе немую, щемящую тоску сына.

Изящные лизиантусы славили его чистую, безгрешную душу.

На лаконичной серой плите чернела короткая эпитафия: «Приходя в этот мир, я хотел любить его. Покидая его, я желаю, чтобы мир забыл о любви ко мне».

Ниже стояло имя: Вэнь Чжимянь.

На овальном черно-белом снимке улыбался молодой мужчина с тонкими, одухотворенными чертами лица.

Бо Хуай внешне совсем не походил на папу.

Он пошел весь в отца-Альфу: тот же холодный разлет бровей, та же ледяная стать и врожденная, граничащая с высокомерием гения гордость. Видимо, именно эта неприступность когда-то и пленила Вэнь Чжимяня, заставив его любить до последнего вздоха, невзирая на лед в ответ.

Сердце Цзянь Сунъи сжалось от жалости. Решив, что другу нужно побыть наедине с родителем, он собрался было отойти к машине, но Бо Хуай крепко перехватил его за запястье.

— Побудь со мной, — тихо попросил он. — Не хочу оставаться один.

Впервые в жизни Бо Хуай открыто признался, что слаб, что не хочет одиночества и нуждается в нем. Значит, прошлая ссора все-таки принесла плоды. Цзянь Сунъи почувствовал, как в груди разливается странное тепло.

— Хорошо, — кивнул он.

Они стояли молча, плечом к плечу, провожая глазами уползающие тени. Когда горизонт окрасился первым рассветным лучом, Цзянь Сунъи негромко заговорил:

— Знаешь, Бо Хуай... Мне кажется, на самом деле ты совсем не похож на дядю Бо. Внутри ты вылитый дядя Вэнь.

Бо Хуай удивленно повернул к нему голову. За все его восемнадцать лет никто и никогда не говорил ему ничего подобного.

— Я серьезно, — Цзянь Сунъи мягко улыбнулся портрету на памятнике. — Твоя душа такая же чуткая. И выбор твой — пойти в медицину — ему бы точно понравился. Тебе, кстати, чертовски пойдет белый халат. Так что, может, попросишь папу благословить тебя на поступление на медфак Хуацина?

— Если уж для поступления в Хуацин мне потребуется небесная канцелярия, — негромко хмыкнул Бо Хуай, — отец на том свете со стыда сгорит за такого непутевого сына.

— Помалкивал бы ты с такими заявлениями, — фыркнул Цзянь Сунъи. — Побьют ведь когда-нибудь.

— А разве я не прав?

— Прав, конечно... И все же, неужели ты никогда ничего у него не просил?

— Почему же, просил.

— И что это было?

— Не скажу.

— Ну и катись.

Тягучая, мрачная скорбь понемногу таяла под первыми теплыми лучами солнца вместе с остатками тумана. В душе Бо Хуая воцарились покой и умиротворение. Он бросил взгляд на портрет отца, и в его глазах промелькнула нежная, едва заметная улыбка.

«Папа, гляди. Он умудряется рассмешить меня даже здесь. Ну как его не любить? Сделай одолжение, пригляди за нами. Помоги мне сделать так, чтобы он тоже полюбил меня. Один раз — и на всю жизнь.»

Легкий порыв ветра коснулся бутонов, и охапка маргариток тихонько качнулась, словно усопший подал сыну безмолвный знак согласия.

Когда они наконец покинули территорию кладбища, стрелка часов приближалась к восьми. Возвращаться на уроки сейчас смысла не имело — они безнадежно опоздали. А раз так, то и торопиться было некуда.

Цзянь Сунъи безумно не хотелось заявляться в класс при параде и ловить на себе косые взгляды. Да и видеть Бо Хуая, служащего мишенью для пересудов в таком виде, тоже желания не было.

Лениво зевнув, он потянулся.

— Эй, как насчет того, чтобы прогулять сегодня?

Бо Хуай выразительно выгнул бровь.

Не говоря ни слова, он подошел к ожидавшей их машине и постучал в стекло.

— Дядя Чжан, простите, что заставили вас ждать, — вежливо произнес Бо Хуай. — Мы в школу пока не поедем. Передайте, пожалуйста, тетушке Тан, что мы с Цзянь Сунъи решили сегодня устроить себе внеплановый выходной.

Водитель лишь молча захлопал глазами.

За долгие годы службы ему еще не доводилось встречать сорванцов, которые заявляли бы о прогуле с таким благовоспитанным и невозмутимым видом. Он даже растерялся: то ли ругать их за наглость, то ли хвалить Бо Хуая за образцовые манеры.

Впрочем, зная весьма либеральные методы воспитания в семье Цзянь, мужчина не стал устраивать сцен. Лишь по-отечески пожурил парней для проформы, завел мотор и укатил отчитываться перед хозяйкой.

Оставшись одни, парни не спеша побрели вдоль шоссе. Ноги сами привели их к подножию горы Линьань, раскинувшейся прямо по соседству с погостом.

На самой вершине высился древний храм Великого Пробуждения — главная святыня Наньчэна, известная далеко за пределами провинции. Паломники стекались сюда ради векового Дерева желаний, о чудодейственной силе которого слагали легенды.

Сам Цзянь Суньи во всю эту мистику не верил, в отличие от своей матушки.

Госпожа Тан всегда твердила: богов, может, на свете и нет, но если человек страстно и искренне чего-то желает, вселенная обязательно пойдет ему навстречу.

Насчет собственной искренности Цзянь Суньи сомневался, зато в целеустремленности девчушки, торговавшей у подножия алыми лентами для загадывания желаний, сомневаться не приходилось. Она увязалась за ними и канючила всю дорогу до самой вершины, пока у парня окончательно не лопнуло терпение. Чтобы отвязаться от настырной торговли, он выгреб из кармана полтинник и забрал две копеечные ленточки.

Бо Хуай брезгливо повертел в пальцах доставшийся ему лоскут и насмешливо хмыкнул:

— Надо же, не знал, что буддийский рай шагнул так далеко вперед и теперь принимает пожертвования по QR-коду. У тебя что, ранний склероз начался? Решил добровольно уплатить налог на глупость?

— Ничего не поделаешь, — с каменным лицом отозвался Цзянь Суньи. — Я так страстно мечтаю, чтобы ты наконец онемел, что готов уповать на любые сверхъестественные силы.

Парни притворно надулись друг на друга и разошлись в разные стороны двора, сделав вид, будто между ними пролегла непреодолимая пропасть.

Бо Хуай покрутил в руках дешевую, криво отрезанную ленту. Помедлив, он криво улыбнулся и подумал, что, пожалуй, тоже не прочь поддаться глупой суеверной слабости. Отыскав в кармане ручку, он аккуратно вывел на ткани заветные слова.

Закончив, он приблизился к раскидистой кроне исполинского дерева. Долго разглядывал узловатые ветви, увешанные сотнями чужих надежд, но так и не нашел ни одной, которая показалась бы ему достойной хранить его тайну.

Оглянувшись, он заметил на другом конце площади Цзянь Суньи. Тот даже не прикоснулся к

своей ленте — она валялась прямо на земле у его ног, забытая и ненужная. Сам же парень присел на корточки перед сувенирной лавкой и о чем-то увлеченно спорил со старым монахом. Из-за спины Цзянь Суньи не было видно ни его лица, ни разложенного на прилавке товара.

Бо Хуай покачал головой с тихой, самокритичной усмешкой.

«Надо же было додуматься... Я ведь всерьез решил, будто этот оболтус раскошелится ради того, чтобы загадать для меня что-то важное в такой день.»

«Размечтался, дурак. Интересно, на какую очередную безделушку разведут этого наивного молодого господина? Если он, подобно своей матушке, умудрится спустить целое состояние на копеечные деревянные четки, то в будущем семейный бюджет ему точно доверять нельзя.»

Бережно свернув алую полоску, Бо Хуай спрятал ее в карман брюк и направился к другу. Однако к моменту его приближения сделка уже завершилась. Завидев Бо Хуая, Цзянь Суньи торопливо сгреб покупки и распихал их по карманам с преувеличенно независимым видом.

Бо Хуай подозрительно прищурился.

Цзянь Суньи поднялся на ноги, небрежно отряхнул брючины и выдал без тени смущения:

— Да так, прикупил амулет для Юй Цзыго. Он же вечно сохнет по всякой эзотерической ерунде. Лу Цифэн тут давеча его задел ненароком, вот и умолял меня помочь выбрать примирительный подарок.

— Кстати, — Цзянь Суньи поспешно перевел тему, — ты-то свою ленту подписал?

— Я похож на умалишенного? — хмыкнул Бо Хуай, незаметно заталкивая сверток глубже в карман, чтобы тот, не дай бог, не вывалился наружу.

— Ну и сухарь, — проворчал Цзянь Суньи. — Слишком много рации и цинизма. Хотя капля романтики в тебе есть вообще?

Бо Хуай лениво ковырнул носком туфли валяющуюся в пыли ленточку за двадцать пять юаней и красноречиво изогнул бровь:

— И это мне говорит человек, который бросил свою святыню прямо в грязь?

— Излишнее суеверие тоже вредно для здоровья, — буркнул Цзянь Суньи.

При этом его пальцы в кармане до боли сжали только что купленный копеечный оберег.

«Интересно, не соврала ли матушка насчет того, что искренняя вера творит чудеса?»

К буддизму оба дышали ровно, да и головы были забиты совсем иными мыслями. Сделав еще круг по территории, они побрели к спуску, унося в карманах свои маленькие тайны. Дома они наскоро перекусили, вздремнули часок, сменили официальные костюмы на привычную одежду и без лишних капризов отправились на уроки.

Стоило им войти в класс, как Ян Юэ и остальная банда принялись отчаянно подмигивать Цзянь Суньи, строя уморительные гримасы. Но тот пребывал в полусонном анабиозе и на призывные сигналы никак не реагировал. Добравшись до своей парты, парень тут же рухнул лицом на сложенные руки и засопел.

Бо Хуай, устав созерцать эти конвульсии, с легким стуком уронил ручку на стол.

— Если хотите нашептать Цзянь Суньи что-то у меня за спиной, пишите в личку, — ровно произнес он. — Зачем так измываться над своими лицами? Они у вас и без того не самого простого кроя.

Класс притих.

— Мать божья, Дедушка Бо! — выдохнул Юй Цыго, благоговейно округлив глаза. — Вы сейчас произнесли целое развернутое предложение! Вы в курсе, что за все время нашего знакомства это первый раз, когда вы выдали больше десяти слов кряду? Я прямо-таки почувствовал себя на месте Брата Суна!

Бо Хуай промолчал, выразительно прикрыв глаза.

Разбуженный шумом Цзянь Суньи нехотя оторвал голову от парты. Посмотрев на соседа заспанным взором, он лениво хмыкнул:

— Слышал? Очень прошу тебя, распределяй свой яд равномерно. Не надо изводить им меня одного, поделись с ребятами. Окажи услугу обществу, а то они всерьез думают, что у тебя паралич мимики вкупе с врожденной немотой.

Едва он замолк, как в недрах его парты завибрировал телефон.

Сюй Цзясин в этот момент как раз вовсю орудовал в смартфоне, возбужденно приглушенно комментируя на весь ряд:

— Так, народ, я создал беседу! Добавил всех, кроме Дедушки Бо. Заходите скорее!

Бо Хуай устало потер переносицу. Заговорщические маневры одноклассников отличались редкостной топорностью.

Вид искренне недоумевающего Бо Хуая несказанно повеселил Цзянь Сунъи. Наглый омега победно помахал экраном прямо перед его носом и с издевкой протянул:

— Ну что, доигрался? Говорил же я тебе — веди себя по-человечески. Теперь вот сиди один, всеми отвергнутый и покинутый.

С этими словами он уткнулся в экран, предвкушая, какую очередную глупость затеяла их банда.

[Толстый Гриб: Ребята, инфа сотка! В воскресенье нашему Дедушке Бо стукнет восемнадцать. Надо устроить грандиозный салют! Поможем пацану наконец перешагнуть порог зрелости и стать настоящим мужиком!]

[Красавчик Сюй: Если скидываемся на хоста из элитного клуба, с меня сотка.]

[Милашка Лоло: Я могу поработать хостом. Бесплатно.]

[Лу Цифэн:?]

[Скидка на гадание 40%: Я, в принципе, тоже не против.]

[Цзянь Сунъи: И на что вы рассчитываете?]

[Милашка Лоло: На эстетическое удовольствие и море тактильного кайфа. Сексуальный Лоло, доставка в один клик.]

[Пользователь Милашка Лоло удален из группы.]

[Лу Цифэн: Так, ладно, давайте посерьезнее. Мне кажется, Бо Хуай терпеть не может шумные тусовки. Не лезьте на рожон, пусть Цзянь Сунъи сам все устроит, ему виднее.]

[Толстый Гриб: С ума сошел? Собраться, обожраться и поорать в караоке — наша священная традиция! Раз Дедушка Бо теперь в банде, извольте соблюдать устав. К тому же я уже подарок купил.]

[Красавчик Сюй: Во-во! Даже если в само воскресенье у него семейные дела, мы можем затусить на день раньше. Посидим субботним вечером, попоем, расслабимся. Святое же дело!]

[Юй Цзыго: Я тоже смастерил презент... Вещь недорогая, зато хэндмейд, кучу времени убил.]

[Лу Цифэн: Сунъи, спроси у него, как он смотрит на субботний сабантуй. Если согласен — начнем бронировать места. Если пошлет нас подальше — передадим коробки через тебя.]

Цзянь Сунъи задумчиво побарабанил пальцами по стеклу. Выйдя из общей беседы, он открыл диалог, лаконично подписанный «Горе луковое», и быстро набрал сообщение:

[Цзянь Сунъи: Завтра Ян Юэ со своей сворой хотят вытащить тебя поужинать и поорать в караоке. Пойдешь? Празднуем в субботу, так что семейные планы на воскресенье не пострадают. Обычные посиделки.]

[Цзянь Сунъи: Я в курсе, что ты терпеть не можешь толпу. Но эти придурки — ребята душевные. Мозгов у них, конечно, как у ракушек, зато предавать не умеют и искренне считают тебя своим. Так что спустись уже со своего олимпа и побудь простым смертным, идет?]

[Цзянь Сунъи: В общем, решай сам, уговаривать не собираюсь. Мне-то вообще фиолетово.]

Следом полетели несколько скриншотов из секретного чата.

[Цзянь Сунъи: Сам погляди — они там всю решают, как лишить тебя невинности. Даже Юй Цзыго ради тебя всю ночь что-то клепал. Тебе вообще не стыдно будет их кинуть?]

Оповещения сыпались одно за другим. Тон сообщений так и брызгал раздражением, слова казались нарочито грубыми, сквозь экран сквозило сделанное нетерпение.

Однако Бо Хуай лишь прикусил губу, сдерживая улыбку, и коротко напечатал в ответ:

[Бо Хуай: Договорились.]

Бо Хуай прекрасно понимал: Цзянь Сунъи сам не фанат подобных сборищ. Но парень затеял всю эту суету с одной-единственной целью — ввести его в свой круг и поделиться собственными друзьями.

Точно так же в детстве Сяо Сяосун собирал свои самые лучшие игрушки в огромную коробку, а потом, кряхтя и обливаясь потом, тащил ее в комнату Сяо Сяохуая. Логика этого мальчишки всегда была бесхитростной: если мне это нравится, значит, я должен отдать это тебе. Простая, как у инфузории-туфельки, но до безумия трогательная манера проявлять заботу.

Уголки губ Бо Хуая поползли вверх. Он не удержался и отправил еще одно сообщение:

[Бо Хуай: Только пусть насчет моей «инициации» они не переживают. Ты мой самый близкий друг, так что организацию моего совершеннолетия я полностью верю в твои надежные руки.]

[Цзянь Сунъи:?]

Цзянь Сунъи в очередной раз почуял подвох, но доказать ничего не мог.

Наблюдая за тем, как взъерошенный Цзянь Сунъи свирепо таращится в экран, Бо Хуай беззвучно рассмеялся и аккуратно поправил на переносице тонкие золотые очки, которые носил исключительно для солидности. Да уж, строить из себя негодяя — сплошное удовольствие. Пожалуй, стоит продолжать в том же духе.

В субботу все собрались к восьми вечера. Наскоро поужинав, веселая компания переместилась в караоке-бар.

Вообще-то Сюй Цзясин и Ян Юэ спали и видели, как они закатываются в какой-нибудь пафосный ночной клуб, заказывают кучу дорогого алкоголя и сорят деньгами ради пущих понтов. Но поскольку в их банде «Семи сестер» числилось двое несовершеннолетних, да и остальные выглядели как типичные школьники, фейсконтроль развернул их на входе.

В итоге пришлось довольствоваться заурядным семейным караоке и парой ящиков самого дешевого пива.

Сюй и Ян, переименованные остальными в «генеральных директоров», злобно хрустели чипсами и строили коварные планы на будущее. Они поклялись, что сразу после выпуска снимут вип-кабинет в самом дорогом борделе, закажут лучших хостов и заставят тех решать тесты единого госэкзамена. И не выпустят их из комнаты и не дадут чаевых, пока те не наберут проходной балл в приличный вуз!

От подобного коварства Юй Цзыго и Чжоу Ло бросило в холодный пот.

Виновник торжества хранил олимпийское спокойствие. Стоило им переступить порог вип-кабинки, как Бо Хуай забился в самый глухой угол дивана и уткнулся в телефон. Цзянь Сунъи с не менее скупающим видом пристроился под боком, лениво косясь на его экран.

Атмосфера в помещении ощутимо буксовала.

Лу Цифэн, имевший репутацию заправского тусовщика, рассудил, что раз уж выбрались, надо отрываться на полную катушку. Взяв на себя роль ведущего, он решил растопить лед.

Он со стуком выставил на стол стаканчики для костей перед каждым.

— Так, народ, правила простые, — объявил Лу Цифэн. — Кидаем кубики. У кого сумма меньше всех — тот пьет столько шотов, на сколько отстал от предпоследнего места. А тот, у кого выпадет максимум, получает право задать проигравшему любой, даже самый каверзный вопрос. Отвечать только правду. Ну что, рискнем?

В полумраке заметались синие лазерные блики. Из колонок негромко заиграла меланхоличная мелодия, а сквозь тонкие стены доносился истошный вой соседей, пытавшихся вытянуть высокие ноты в караоке-хитах.

Правильное место, правильная компания — отступить было некуда. Будучи по натуре авантюристами, парни мигом загорелись идеей.

Бо Хуай не любил суету, но прекрасно понимал: эти оболтусы наверняка приготовили для него какой-то сюрприз, а кости — лишь затравка перед основным действием.

Не желая портить друзьям праздник, он отложил телефон в сторону и негромко произнес:

— Ладно, я в деле. Только с одним условием: Цзянь Сунъи пить не будет. Во-первых, он еще мелкий, во-вторых, у него желудок барахлит. Тетушка Тан перед уходом велела за ним приглядывать.

Цзянь Сунъи, уже занесший руку над открывашкой, опешил.

«Чего? Когда это мама успела выдать ему подобные инструкции? Я первый раз об этом слышу!»

«Ладно, бог с ним. Имениннику сегодня можно все, так что я промолчу.»

— Без проблем, — понимающе ухмыльнулся Лу Цифэн. — Если Брат Сун проигрывает, его штрафные выпивает Дедушка Бо.

Цзянь Сунъи открыл было рот, чтобы возмутиться, но Бо Хуай уже накрыл кости стаканчиком и спокойно кивнул:

— Идет.

«... Да чтоб тебя. Ладно, именинник — царь и бог. Терплю дальше.»

Фортуна, впрочем, оказалась на стороне Цзянь Сунъи. Он первым открыл кости: на пяти

кубиках в сумме вышло двадцать восемь очков — абсолютная победа.

Вальяжно откинувшись на спинку дивана и вытянув длинные ноги, он самодовольно хмыкнул:

— Ну что я говорил? Ваш Брат Сун в этих делах мастер. Когда это я проигрывал?

С победным видом он оглядел скромные результаты остальных: двадцать четыре у Лу Цифэна, двадцать два у Чжоу Ло и несчастные восемнадцать у Ян Юэ.

Юй Цзыго, однако, умудрился превзойти фаворита, тряся стаканчик словно заправский гадатель на бамбуковых палочках, и выбил двадцать девять очков.

А затем пришел черед Сюй Цзясина. На сукно высыпались четыре двойки и единица.

Дружный хохот сотряс стены кабинки.

— Ну ты и везунчик, — сквозь смех выдавил Ян Юэ, уже наполняя стопки. — Четыре двойки и туз. Ты бы еще в дурака так сыграл!

— Погодите хоронить! — взвился Сюй Цзясин. — У нас еще Дедушка Бо не открылся! А вдруг у него вообще мизер?

— Раскинь мозгами, каков шанс? — прыснул Ян Юэ. — Если у него выпадет меньше, я прямо здесь на голове стоять буду и...

Бо Хуай молча поднял стаканчик.

Пять единиц.

В комнате повисла мертвая тишина.

Бо Хуай даже бровью не повел. Лишь негромко усмехнулся и без лишних слов налил себе четыре полные стопки пива, одну за другой осушив их до дна.

Цзянь Сунъи во все глаза уставился на этот невозможный натюрморт из единиц.

— Да ладно тебе, кубики сто процентов крапленые, — проворчал он, пытаясь найти хоть какое-то логичное объяснение.

Не веря, что его другу могло так катастрофически не повезти, он подался вперед, отобрал у Бо

Хуая стаканчик, небрежно тряхнул им над ухом и с размаху хлопнул по столу.

Крышка взлетела вверх.

Пять шестерок.

Все застыли.

— Брат Сун, — сокрушенно покачал головой Ян Юэ. — Я понимаю, что у вас старые счеты, но у парня сегодня праздник. Зачем так изощренно сыпать соль на раны?

Цзянь Сунъи лишь шумно выдохнул, окончательно лишившись аргументов. Поднявшись с дивана, он направился к выходу.

— Ладно, я в уборную, — бросил он на ходу, покосившись на покрасневшего Ян Юэ. — Можешь не торопиться, зрелище твоего стояния на голове я все равно пропущу.

— Премного благодарен, не стоит, — буркнул тот в спину омеге.

Лу Цифэн, разумеется, не упустил случая поглумиться над проигрышем притихшего отличника.

— Юй Цзыго, у тебя максимум! — подначил он приятеля, заговорщически подмигивая. — Лови момент, другого шанса вытрясти из Дедушки Бо душу не представится!

В глазах Юй Цзыго мгновенно вспыхнул фанатичный огонек заядлого шиппера. Предвкушая сенсацию, он потер ладони друг о друга и без малейших колебаний выпалил вопрос, который не давал ему спать ночами:

— Дедушка Бо, колитесь: у вас есть тот, кто вам нравится?

— Хм, какой любопытный вопрос... — Бо Хуай негромко усмехнулся, сделав многозначительную паузу.

Он не стал отнекиваться.

Цзянь Сунъи, уже взявшийся за ручку двери, замер на месте. Рука так и осталась висеть в воздухе. Сердце почему-то забилось чаще, и он против воли обернулся.

Хмель быстро ударил Бо Хуаю в голову — алкогольной стойкостью парень никогда не отличался. От четырех стопок дешевого пива его бледная кожа порозовела, а у внешних

уголков глаз проступили легкие пунцовые тени.

Он расслабленно откинулся назад и небрежным жестом расстегнул верхние пуговицы рубашки. Ворот распахнулся, обнажая точеную линию ключиц и бледную шею. Весь его строгий, неприступный вид образцового отличника мгновенно испарился.

Сквозь полуприкрытые веки заблестел влажный, слегка затуманенный взгляд. Крошечная родинка-слезка у самого края покрасневшего века казалась сейчас вызывающе яркой. Бо Хуай скользнул ленивым взглядом по застывшему у выхода Цзянь Сунъи, и его губы изогнулись в едва заметной, дразнящей улыбке.

И тихо, но предельно отчетливо уронил лишь одно слово:

— Да.

<http://bllate.org/book/20583/2202539>